

**Учебник логики Алоиза Гёфлера
и австрийская логико-философская традиция XIX века**

Ю. Ю. Черноскутов
СПбГУ
chernoskutov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура и содержание учебника логики для австрийских классических гимназий А. Гёфлера (в сотрудничестве с А. Мейнонгом), изданного в 1890 г. На его материале раскрываются основные отличительные черты австрийской логико-философской традиции. Отдельное внимание уделяется особенностям адаптации идей Б. Больцано в школе Ф. Brentano. DOI: 10.52119/LPHS.2024.93.18.016.

Ключевые слова: Гёфлер, Больцано, Brentano, логика, австрийская традиция.

Нам уже приходилось отмечать, что австрийская логика XIX века отличалась рядом своеобразных свойств, которые довольно отчётливо отличают её от традиционных британских и германских подходов к пониманию её предмета и оснований. В частности, как правило логика рассматривалась здесь как дисциплина, тесно связанная не с теорией познания, но скорее с (формальной) онтологией, поскольку её предмет виделся не в формах мышления, но в формах предметов мышления, с тенденцией наделить последние неким объективным статусом.

Здесь мы попытаемся показать специфику австрийской логики, рассмотрев, как воплощалось взаимопереплетение методологических принципов Больцано и Brentano в литературе, адресованной широкому кругу читателей, а именно в учебниках. В качестве примера возьмем учебник логики для гимназий, подготовленный Алоизом Хёфлером (1853–1922) в сотрудничестве с А. фон Мейнонгом. На первый взгляд, этот учебник не отклоняется существенно от структуры и содержания традиционных для того периода учебных руководств, но есть в нём некоторые важные и довольно выпуклые моменты, позволяющие говорить о специфике австрийской логики, на которые мы и обратим внимание.

Учебник состоит из двух частей: «Элементарное учение» (соответствует чистой логике) и «Учение о методе». Последнее состоит из двух отделов: «Эвристика» и «Систематика».

В соответствии с принципами Brentанизма, где есть два основных акта мышления — представление и суждение, в элементарной логике имеется два раздела. В первом речь идёт о логических представлениях, это «учение о понятии». Во втором — о логических суждениях, это «учение об очевидности». Теория умозаключения становится подразделом теории суждения, поскольку в ней речь идёт об опосредованной очевидности.

Главная задача логики состоит в том, чтобы «выделить среди явлений мышления те виды (формы) мыслей, которые или непосредственно обладают очевидностью или суть необходимые условия для возникновения очевидности» [1, с. 17]. Наряду с понятием очевидности, вторая путеводная нить логики — это понятие истины. Истина — «высшее требование» для мышления, подобно тому как доброта — высшее нравственное чувство.

Уже во введении подчеркивается момент, который мы выделили как принципиальный для австрийской логики, а именно предметность. «...Всякому акту представления и акту суждения соответствует нечто представляемое и нечто судимое или содержание представления и содержание суждения, называемые также предметом или объектом представления и суждения» [1, с. 6]. Предмет мышления (будь то представления или суждения) ни в коем случае не

следует идентифицировать с его содержанием. Разным представлениям с разным содержанием может соответствовать один предмет, или, как выражается сам Хёфлер, «представления с различным содержанием могут относиться к одному и тому же предмету» [1, с. 41]. На этом необходимые различия не заканчиваются. Отдельное рассуждение посвящается необходимости избегать смешения знака и обозначаемого. Как следствие, «следует теперь всегда тщательно различать: 1. Вещи. 2. Представления. 3. Имена» [1, с. 12].

Среди представлений выделяются понятия, которые характеризуются как «представления с однозначно определенным содержанием» [1, с. 19]. При этом слова, значением которых являются понятия, называются терминами. Собственно говоря, понятием для Хёфлера служит то, что Лейбниц называл ясным и отчётливым представлением, о чём свидетельствует следующее пояснение: «переход от представления к понятию означает, что содержание проанализировано на свои признаки, и из этих признаков выделена вполне определенная часть при помощи абстрагирующего внимания» [1, с. 26–27].

Далее, объём понятия определяется как «совокупность всех предметов, соответствующих представлению определенного содержания» [1, с. 29]. Сразу же обратим внимание на отличие от немецких кантианских, полукантианских и т. п. логик: в тех объём понятия почти всегда понимался как совокупность представлений (или понятий), подчинённых данному. Самое большее — речь могла идти о совокупности единичных представлений.

Как следствие, автор вынужден устанавливать ещё одно различие, не характерное для немецких логических трактатов, а именно различие логического и эмпирического объёмов. Эмпирический объём понятия ‘прямолинейный треугольник’ «равен 0», в то время как его логический объём бесконечен. К логически пустым относятся понятия, в содержании которых имеются противоречивые признаки, к эмпирически пустым, например, золотая гора или бриллиант размером 1 м^3 [1, с. 29–30]. Очевидно, что выделение двух видов объёма подталкивает к тому, чтобы принять и два вида предметов: скажем, эмпирических и логических (или абстрактных, или идеальных) соответственно. Однако Гёфлер не решается на такой шаг. Больше того, несколько ранее [2, с. 19] он категорически отверг возможность абстрактного предмета. Абстрактное — то, что получается в результате абстракции, поэтому абстрактными могут быть только понятия и представления (причём понятия, в отличие от представлений, неабстрактными быть и не могут). Упомянув о законе обратного отношения между объёмом и содержанием, Гёфлер уточняет, что он действителен, но с оговоркой «как правило». Несмотря на то что содержание понятия он трактует в духе Ф. Brentano — как совокупность признаков, «выделенных... при помощи абстрагирующего внимания» [2, с. 22], аргументы против его неограниченной значимости он заимствует у Б. Больцано.

Обратим также внимание на встречающиеся у Гёфлера способы выражения: «конкретное представление подпадает под абстрактное представление»; «предмет подпадает под объём»; «предметы принадлежат объёму этого представления» [2, с. 24].

Вполне в духе лейбницеанства Гёфлер утверждает необходимость постулирования простых понятий, которые должны рассматриваться как неопределяемые. К таковым он относит простые ощущения, последние элементы психических актов (т. е. представления и суждения), высшие метафизические понятия (свойство, качество и т. д.) [1, с. 76–77].

Теория суждения отличается некоторой непоследовательностью. С одной стороны, как было указано во введении, всякое мышление предметно, с другой стороны, истинность или ложность общего высказывания не зависит от существования предмета, о котором идёт речь в суждении. Ибо предметом общего суждения является отношение между предметами пред-

ставления.

Что касается сложных суждений, то разъяснения Хёфлера по их поводу по крайней мере весьма своеобразны и отличаются безусловной оригинальностью. Во всяком случае, нам не известны другие авторы, которые трактовали бы их подобным образом. Условное суждение состоит из двух частей, ни одна из которых не является суждением (ведь суждение — это утверждение либо отрицание представления, но таковые действия здесь не производятся ни над антецедентом, ни над консеквентом), это допущения, а вот отношение между ними — это и есть предмет суждения. Поэтому условное суждение является не сложным, но простым. Зато в разделительном простых суждений содержится не столько, сколько членов дизъюнкции, а $\frac{1}{2}n(n - 1)$ суждений о взаимном исключении каждого из n , плюс суждение о полноте ряда, плюс суждение о том, что одно из них истинно.

Если теория суждения навевает сильные ассоциации с Brentano, то его рассуждения относительно умозаключений временами производят впечатление адаптированного изложения взглядов Больцано.

В частности, совершенно в духе Больцано даётся определение основания и следствия. Суждение F есть следствие основания G в том случае, если мнение об истинности G несовместимо с мнением о ложности F . Следовательно, отношение между основанием и следствием есть особый вид отношения совместимости [2, с. 122]. Поэтому выделяется два вида задач: отыскание следствий из основания (выведение или дедуцирование) и отыскание оснований для следствия (доказательство). Кроме того, с прямой ссылкой на Больцано проводится различение познавательного основания и реального основания.

Обратим также внимание на понятие формальности. Понятия и суждения не характеризуются здесь как формы мышления (это фундаментальные психические явления). Термин «форма» в учебнике Гёфлера встречается только в выражении «форма вывода».

Этот учебник показателен тем, что Гёфлер был не самым влиятельным мыслителем школы Brentano. Его учебник для гимназий отражает устоявшиеся подходы и концепции, типичные для австрийской традиции. При этом он предлагает нашему вниманию такую смесь идей Brentano и Больцано, в которой эти идеи вступили в несколько замысловатую диффузию.

Итак, можно обобщить особенности австрийского стиля изложения логики, нашедшие отражение в учебнике А. Гёфлера:

- выделение и различение предмета и содержания представления (соответственно, понятия);
- трактовка объёма понятия как совокупности предметов;
- представление и суждение как два фундаментальных психических явления; теория умозаключения — часть теории суждения;
- формулировка той или иной разновидности отношения следования.

В целом учебник следует утвердившейся в Австрии традиции дистанцироваться от кантианских логических концепций в пользу «больцанизированной» версии лейбницеанства (Больцано цитируется в этом учебнике чаще кого бы то ни было); причём последняя надстраивается (иногда довольно причудливо) над фундаментом, образованным дескриптивной психологией Ф. Brentano.

Литература

1. Höfler A., Meinong A. *Philosophische Propädeutik. Erster Theil: Logik*. Wien, 1890.
2. Гёфлер А. *Основные учения логики*. СПб., 1910.